

УДК 261.7+281.911+281.93+291

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-4-0-3

Петрунин В. В.

Социальные доктрины Константинопольского патриархата и Русской православной церкви: сравнительный анализ политических положений

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, ул. Комсомольская, д. 95,
г. Орёл, 302026, Россия; petrunin@list.ru

Аннотация. В статье анализируется православный взгляд на актуальные политические проблемы, представленные в социальных доктринах Константинопольского патриархата и Русской православной церкви. В рамках политологии религии изучение конфессиональных политических учений (религиозная политология) становится актуальной задачей для современного отечественного религиоведения. Автор обращается к политической теологии православного христианства с целью сравнительного изучения политических позиций двух крупнейших авторитетов в современном православии. Представлен анализ подходов Константинополя и Москвы к таким проблемам, как государство, государственно-конфессиональные отношения, гражданское неповиновение, свобода совести. На основе сравнительного анализа выявлено различие позиций Константинопольского патриархата и Русской православной церкви по целому ряду актуальных политических проблем современности.

Ключевые слова: политология религии; религиозная политология; политическая теология; православное христианство; социальная доктрина; Константинопольский патриархат; Русская православная церковь

Для цитирования: Петрунин В. В. Социальные доктрины Константинопольского патриархата и Русской православной церкви: сравнительный анализ политических положений // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 4. С. 27-34. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-4-0-3

V. V. Petrunin

Social doctrines of the Ecumenical patriarchate of Constantinople and The Russian orthodox church: a comparative analysis of political positions

Turgenev Orel State University, 95 Komsomolskaya St., Orel, 302026, Russian Federation;
petrunin@list.ru

Abstract. The article analyzes the Orthodox view of current political problems presented in the social doctrines of the Patriarchate of Constantinople and the Russian Orthodox Church. The study of confessional political doctrines within the framework of political science of religion, is becoming an important task for modern Russian religious studies. The researcher turns to political theology of Orthodox Christianity to conduct a comparative study of political positions of the two main players in modern Orthodoxy. The article presents the analysis of the approaches of Constantinople and

Moscow to such problems as the state, state-confessional relations, civil disobedience, and freedom of conscience. The comparative analysis has revealed the difference between the positions of the Patriarchate of Constantinople and the Russian Orthodox Church on a number of acute political issues of our time.

Keywords: political science of religion; religious political science; political theology; Orthodox Christianity; social doctrine; Ecumenical Patriarchate of Constantinople; Russian Orthodox Church

For citation: Petrunin V. V. (2022), "Social doctrines of the Ecumenical patriarchate of Constantinople and The Russian orthodox church: a comparative analysis of political positions", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (4), 27-34, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-4-0-3

В современном религиоведении актуальным остается осмысление политических учений религий мира (религиозной политологии) в рамках самостоятельного научного направления – политологии религии. Стоит отметить, что активное развитие политологии религии в западной науке способствует пониманию «позиции религиозных институтов по актуальным общественно-политическим проблемам в публичном пространстве (дебаты, публикации, заявления, обращения, официальные документы)» (Лункин, 2020: 40). Тематика нашей статьи очерчена рамками официальных документов Константинопольского патриархата и Русской православной церкви как религиозных институтов, которые активно транслируют в публичное пространство свою позицию по актуальным политическим проблемам современности. Особенный смысл политологии религии придает тот факт, что, по словам католического богослова Вальтера Каспера, современная политическая теология ясно указывает на то, что «религия должна быть одновременно политической и мистической» (Каспер, 2005: 78).

Обращаясь к методологии исследования, мы можем отметить, что в современном религиоведении актуальным остается сравнительное исследование религий, причем, как отмечает Жак Ваарденбург, «в последнее время резко вырос научный интерес к тем ответам, которые предлагали религии на основополагающие вопросы этики

и человеческих отношений» (Ваарденбург, 2016: 124). Учитывая данное обстоятельство, представляется актуальным сравнение социальных доктрин Константинопольского патриархата и Русской православной церкви, которые как раз и представляют собой официальную позицию двух православных Церквей по актуальным проблемам современности.

Кроме того, мы можем отметить важность и продуктивность компаративистики для изучения конкретных проблемных областей в религиозной сфере на примере сравнительного изучения литургических традиций христианства Антоном Баумштарком, приведшего, в конечном итоге, к появлению целого научного направления – сравнительной литургики (см.: Баумштарк, 2014). Поэтому можно говорить о перспективах появления сравнительной религиозной политологии в рамках религиоведения или сравнительной политической теологии в рамках христианского богословия (теологии).

Стоит отметить, что автор исследует именно социальные доктрины двух православных Церквей, тем самым соглашаясь с мнением отечественного религиоведа Ф.Г. Овсиенко, заключающемся в необходимости различения таких понятий, как «социальное учение» и «социальная доктрина». Социальное учение «складывается как из церковных установлений, так и из сочинений многочисленных и не всегда единых в своих воззрениях церковных и около-

церковных авторов», а социальная доктрина есть «свод официальных документов церкви» (Овсиенко, 2001: 3). То есть исследовательская задача в рамках данной статьи предполагает экспликацию теоретических положений социальных доктрин православного христианства, оставляя за пределами исследования практическое воплощение обозначенных принципов в реальной жизни, что связано с пониманием того, что «декларируемые идеи не всегда соответствуют возможностям конфессиональной организации реально их осуществить» (О социальной концепции..., 2002: 8).

Православные социальные доктрины появились совсем недавно, если сравнивать время их возникновения с социальной доктриной католицизма, которая ведет свой отчет с энциклики Льва XIII «*Regum novarum*» («О новых вещах», 1891 г.) (Овсиенко, 2021: 6). Московский патриархат – первым из православных Церквей – опубликовал свою социальную концепцию в 2000 г., в последующем дополняя этот программный документ другими официальными заявлениями. В настоящий момент существует огромное количество научных публикаций, как в России, так и за рубежом, посвященных анализу социальной доктрины русского православия (см.: О социальной концепции..., 2002; Петрунин, 2009; Штёкль, 2014).

Социальная доктрина Константинопольского патриархата появилась в 2020 г. на 12 языках мира. Этому предшествовала работа специальной комиссии, образованной в 2017 г. В состав данной комиссии вошли известные православные богословы, например, Дж. Демакопулос, А. Папаниколау, Д.Б. Харт и др. Формально данный документ был издан Американской архиепископией Константинопольского патриархата, но отражает позицию Фанара по со-

временной социально-политической проблематике. Недавнее появление социальной доктрины Константинопольского патриархата еще только ставит перед исследователями задачу ее всестороннего изучения. Если говорить об отечественной рефлексии данного документа, то мы можем отметить анализ, проведенный научно-аналитическим центром Всемирного русского народного собора (см.: О социальной концепции..., 2021). За рубежом стоит отметить серию видеообсуждений, проведенных на Украине Открытым православным университетом Святой Софии-Премудрости, в которых приняли участие известные украинские богословы, философы, религиоведы¹. Особое внимание к социальной доктрине Константинополя на Украине вполне объяснимо в рамках предоставления Константинополем автокефалии Православной церкви на Украине.

Вместе с тем, в предисловии к социальной доктрине прямо говорится, что определенным фундаментом для выработки социальной доктрины Константинопольского патриархата стали решения Критского собора 2016 г., а именно документы, посвященные осмыслению позиции Православной церкви по актуальным проблемам современного мира. Стоит отметить, что документы Критского собора подписали представители десяти из 14-ти взаимно признанных православных Церквей (Константинопольский патриархат, Александрийский патриархат, Иерусалимский патриархат, Сербская православная церковь, Румынская православная церковь, Кипрская православная церковь, Элладская православная церковь, Польская православная церковь, Албанская православная церковь и Православная церковь Чешских земель и Словакии). От участия в Соборе отказались: Антиохийский патриархат, Московский патриархат, Грузинская и Болгарская православные церкви.

¹ Відкритий Православний Університет Святої Софії-Премудрості [Електронний ресурс]. URL:

<https://www.youtube.com/c/ВідкритийПравославнийУніверситетСвятоїСофії-Премудрості/featured> (дата обращения: 28.06.2022).

В «Окружном послании» Критского собора идеология секуляризма рассматривается как главная проблема, с которой сталкивается Церковь в современном мире, что особенно ярко проявляется в политической сфере (Окружное послание, 2018: 17). Можно привести еще одну цитату из этого документа: «Церковь не вмешивается в политику в узком смысле этого слова. Тем не менее ее свидетельство является существенным образом политическим – как забота о человеке и его духовной свободе» (Окружное послание, 2018: 23). Стоит привести еще один отрывок из другого документа Критского собора: «Права человека в настоящее время находятся в центре внимания политики как ответ на современные социальные и политические кризисы и потрясения, ставя целью защиту граждан от произвола государства» (Послание..., 2018: 38-39). Важность этой цитаты проясняется в социальной доктрине Константинопольского патриархата, где проблематике прав человека уделено особое внимание. Русская православная церковь отразила свое отношение к проблеме прав человека в специальном документе, который является примером дальнейшего развития социальной доктрины русского православия².

Таким образом, мы можем утверждать, что политическая проблематика занимает центральное место в обеих социальных доктринах. Так, в документе Константинопольского патриархата политические вопросы затрагиваются в таких разделах документа, как «Церковь в общественной сфере», «Жизненный путь человека», «Война, мир и насилие», «Православие и права человека» и др.³

В социальной доктрине Московского патриархата они нашли свое отражение в разделах: «Церковь и нация», «Церковь и

государство», «Христианская этика и светское право», «Церковь и политика», «Война и мир», «Международные отношения. Проблемы глобализации и секуляризма» и др. (см.: Основы, 2000: 5-105).

В то же время оба документа являются политическими исходя из заявленной цели их появления – дать представление современному секулярному обществу о позиции православия по актуальным проблемам современности. Здесь мы можем отметить схожесть в причинах появления данных документов.

Рассматривая политическую проблематику социальных доктрин Константинополья и Москвы в сравнительном ракурсе, остановимся на следующих проблемах, нашедших свое освещение в соответствующих документах – это, прежде всего, проблема государства, патриотизма и государственно-церковных отношений, особое значение в рамках которых принимает проблема гражданского неповиновения. Вместе с тем, повторяя наш тезис о том, что эти документы являются политическими по своей сути, мы можем сказать, что любая проблема, затронутая в этих документах и формально не принадлежащая к политической сфере, приобретает политическое значение в современном мире, отдающем предпочтение секулярной этике.

Обращаясь к проблеме понимания государства в социальных доктринах, мы можем отметить следующие важные моменты. Константинопольский патриархат, говоря о проблеме государства, подчеркивает, что никакие формы политического устройства не могут быть сравнимы с Царством Божиим, более того, существующие формы политического правления имеют определенную иерархию, в рамках которой говорится о предпочтении демократической формы правления⁴. Еще более

² Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616?ysclid=16euhcoi2w957570302> (дата обращения: 30.07.2022).

³ За жизнь мира: на пути к социальному этосу Православной Церкви [Электронный ресурс] URL: <https://predanie.ru/book/220026-za-zhizn-mira-na-puti-k-socialnomu-etosu-pravoslavnoy-cerkvi/> (дата обращения: 25.04.2022).

⁴ Там же.

того, Фанар призывает христиан «активно их (демократические ценности. – П.В.) поддерживать и работать над сохранением и расширением демократических институтов и обычаев в правовых, культурных и экономических рамках своих обществ»⁵.

Московский патриархат формулирует предпочтительную иерархию форм государственного правления. Наивысшей формой является теократия, за ней следует монархия, а потом современные политические устройства. Однако стоит отметить, что Русская православная церковь четко заявляет о «непредпочтительности для Церкви какого-либо государственного строя, какой-либо из существующих политических доктрин» (Основы, 2000: 22). Кроме того, позитивно говорится об уникальном опыте церковно-государственных отношений, сложившихся в православной традиции в византийскую эпоху – симфоническом взаимоотношении Церкви и государства. Особенно подчеркивается, что в русской допетровской традиции симфонические отношения были более гармоничными, чем в Византийской империи (Основы..., 2000: 16).

Совершенно иное мы видим в социальной доктрине Константинопольского патриархата. Официальная позиция Фанара заключается в том, что сегодня «со стороны христиан было бы неразумно и немилосердно не испытывать искренней благодарности за особый демократический дух современной эпохи»⁶. Более критично осмысливается византийское наследие, при этом прямо указывается на то, что многие христиане ищут идеальную модель церковно-государственных отношений в византийской эпохе, что является, по словам авторов документа, проявлением «химерной ностальгии»⁷.

Поэтому не удивительным становится разный подход в социальных доктринах Константинополя и Москвы к такому политическому явлению, как патриотизм. Фанар

рассматривает патриотизм в русле негативного отношения к этнофилетизму, который был осужден на Константинопольском соборе 1872 г. Особенно осуждается христианский национализм, в то же время допускается, что «патриотизм может быть положительным и полезным чувством, если не принимать его за добродетель в себе или за моральное благо, даже когда страна становится глубоко несправедливой или разрушительной»⁸. Совершенно другой подход к проблеме патриотизма мы видим в социальной доктрине Московского патриархата. Русская церковь подчеркивает право христиан на национальную самобытность, несмотря на вселенский характер Церкви. Москва подчеркивает особую значимость земного отечества, а любовь к нему рассматривает в контексте исполнения заповеди о любви к ближнему (Основы..., 2000: 9-10). Кроме того, Русская православная церковь говорит о христианском патриотизме, который должен проявляться в активной деятельности человека на благо своего отечества (Основы..., 2000: 11).

Еще одним важным моментом в социальных доктринах представляется отношение Константинополя и Москвы к проблеме гражданского неповиновения. Фанар таким образом формулирует свое отношение к данной проблеме: «Церковь не настаивает на том, чтобы верующие во Христа граждане определенных государств в любой мыслимой ситуации подчинялись властям или соглашались с социальным и политическим порядком, в которых они находятся»⁹. Более того, возможны такие ситуации, в которых христиане могут не подчиняться власти, и это неподчинение может выражаться не только в гражданском неповиновении, но и в восстании против существующей власти.

Русская православная церковь говорит о лояльности государству в пределах своей канонической территории. Однако данная лояльность имеет свои границы:

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

«Если власть принуждает православных верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также к греховным, душевредным деяниям, Церковь должна отказать государству в повиновении» (Основы..., 2000, 20). Кроме того, Московский патриархат подчеркивает мирный характер гражданского неповиновения, в отличие, например, от католичества или протестантизма. Таким образом, мы можем отметить, что в социальной доктрине Константинополя мы видим схожий с западно-христианским подход к гражданскому неповиновению – признание возможности активного сопротивления государственной власти, в то время как Русская православная церковь говорит исключительно о мирном гражданском неповиновении.

Общим местом для обеих социальных доктрин является критика секуляризма и ограничений религии в его рамках. Социальная доктрина Константинопольского патриархата прямо говорит о секуляризме как об одной из форм современной идеологии, которая направлена на вытеснение религии из публичной сферы. Документ осуждает подобное положение дел. В социальной доктрине Русской православной церкви мы видим схожее осуждение секуляризма, который стал центральной мировоззренческой ориентацией современного человека. При этом Московский патриархат особо выделяет свою задачу «признания легитимности религиозного мировоззрения как основания для общественно значимых деяний (в том числе государственных) и как существенного фактора, который должен влиять на формирование (изменение) международного права и на деятельность международных организаций» (Основы..., 2000: 104-105).

Подводя итог, констатируем, что на сегодняшний момент социальные док-

трины имеют две автокефальные православные Церкви – Константинопольский патриархат и Русская православная церковь. Фанар рассматривает свой документ как общеправославный, при этом, словами одного из авторов документа Аристотеля Папаниколау, – говорит о региональном характере социальной доктрины Московского патриархата¹⁰. Наличие двух социальных доктрин в мировом православии отражает неудачную попытку сформулировать общеправославный взгляд на актуальные проблемы современности, в том числе политические, предпринятую на Критском соборе в июне 2016 г.

Говоря о содержательном характере двух доктрин, мы можем отметить как общие (преимущественно теоретико-методологического плана), так и особенные характеристики, связанные с историческими условиями и контекстами существования двух Церквей.

Общие моменты отражают богословский характер обоих документов, что находит свое выражение в обращении к Священному Писанию и святоотеческому наследию в обосновании доктринальных положений. В то же время очевидным является различный подход ко многим политическим проблемам современности. Особенно стоит выделить отношение к современной демократии. Русская церковь с сожалением говорит о том, что современное государство не связывает себя какими-либо религиозными обязательствами, что является проявлением светскости государства, а право на свободу совести становится одним из важнейших прав в современных демократиях, что также отражает превращение религии из «общего дела» в «частное дело» человека (Основы..., 2000: 20-21). Напротив, Константинополь рассматривает свободу совести не как результат секуляризации западного мира, а как результат развития западной демократии, гарантирующий

¹⁰ 'Orthodox Social Ethos' aims to put Eastern Church spin on social issues. Charles C. Camosy [Электронный ресурс]. URL: [https://cruxnow.com/inter-](https://cruxnow.com/inter-views/2020/05/orthodox-social-ethos-aims-to-put-eastern-church-spin-on-social-issues/)

[views/2020/05/orthodox-social-ethos-aims-to-put-eastern-church-spin-on-social-issues/](https://cruxnow.com/inter-views/2020/05/orthodox-social-ethos-aims-to-put-eastern-church-spin-on-social-issues/) (дата обращения: 31.07.2022).

соблюдение прав и свобод человека и гражданина, что однозначно делает свободу совести положительным явлением в современном мире¹¹. Положительное отношение к демократии отражает и личную точку зрения Константинопольского патриарха Варфоломея, который считает, что сегодня религия «должна быть неразрывно соединена с идеологиями современного общества, настроена на условия демократии» (Варфоломей, 2008: 316).

Данное обстоятельство позволяет нам сделать вывод о том, что Константинополь, критикуя в своей социальной доктрине ностальгию у православных христиан по временам Византийской империи, продолжает традицию византизма. Только теперь церковной поддержки заслуживает не монархия, а демократия, в то время как Москва четко заявляет о равноудаленности Церкви от политических режимов на своей канонической территории.

Указанные нами расхождения в подходах Константинопольского патриархата и Русской православной церкви к политическим проблемам современности позволили некоторым авторам сделать вывод о том, что «документ “За жизнь мира” станет важной вехой для дальнейшего развития социальной и политической доктрины в русле секуляризации и дальнейшего сближения с католическими и протестантскими течениями политической теологии» (О социальном учении..., 2021: 51).

Источники

Послание Святого и Великого Собора Православной Церкви // Документы Святого и Великого Собора Православной Церкви. Крит, Пятидесятница (16–27 июня) 2016 г. М.: Новое Небо, 2018. С. 32-40.

Литература

Баумштарк, А. Сравнительная литургика. Принципы и методы исторического исследования христианского богослужения / пер. с фр. С. Голованова. Омск: Амфора, 2014. 256 с.

¹¹ За жизнь мира: на пути к социальному этосу Православной Церкви [Электронный ресурс] URL: <https://predanie.ru/book/220026-za-zhizn-mira-na-puti->

Ваарденбург, Ж. Религия и религии: систематическое введение в религиоведение / пер. с нем. А.Г. Алексаняна, под ред. А.Ю. Рахманина. СПб.: Издательство РХГА, 2016. 216 с.

Варфоломей, патриарх. Приобщение к таинству: Православие в третьем тысячелетии. М.: Эксмо, 2008. 368 с.

Каспер, В. Бог Иисуса Христа. М.: Библиско-богословский институт св. апостола Андрея, 2005. 462 с.

Лункин, Р.Н. Церкви в политике и политика в церквях. Как современное христианство меняет европейское общество. М.: ИЕ РАН; Нестор-История, 2020. 504 с.

О социальной концепции русского православия / под общ. ред. М.П. Мчедлова. М.: Республика, 2002. 399 с.

О социальном учении Константинопольского патриархата: Доклад научно-аналитического центра ВРНС / под ред. А.В. Щипкова. М.: Русская экспертная школа, 2021. 52 с.

Овсиенко, Ф.Г. Особенности формирования социальных доктрин православия и католицизма // Религиоведение. 2001. № 2. С. 3-8.

Овсиенко, Ф.Г. Эволюция социального учения католицизма: философский критический анализ. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2021. 256 с.

Окружное послание // Документы Святого и Великого Собора Православной Церкви. Крит, Пятидесятница (16-27 июня) 2016 г. М.: Новое Небо, 2018. С. 7-31.

Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. 2000. № 8. С. 5-105.

Петрунин, В.В. Политический исихазм и его традиции в социальной доктрине Московского Патриархата. СПб.: Алетейя, 2009. 164 с.

Штекль, К. Подход Русской православной церкви к вопросу прав человека // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 3. С. 146-165.

Sources

“Epistle of the Holy and Great Council of the Orthodox Church”, *Dokumenty Svyatogo i Velikogo Sobora Pravoslavnoy Tserkvi, Krit, Pyatidesyatnica (16-27 June) 2016* [Documents of the Holy and Great Council of the Orthodox Church,

k-socialnomu-etosu-pravoslavnoy-cerkvi/ (дата обращения: 25.04.2022).

June 16–27, 2016] (2018), Novoe Nebo, Moscow, Russia (in Russ.), 32-40.

References

Baumstark, A. (2014), *Sravnitel'naya liturgika. Printsipy i metody istoricheskogo issledovaniya khristianskogo bogoslužheniya* [Comparative liturgics. Principles and methods of historical research of Christian worship], translated by Golovanova, S., Amfora, Omsk, Russia (in Russ.).

“District Message” (2018), *Dokumenty Svyatogo i Velikogo Sobora Pravoslavnoy Tserkvi Krit, Pyatidesyatnitsa (16-27 July)* [Documents of the Holy and Great Council of the Orthodox Church, June 16–27, 2016], Novoe Nebo, Moscow, Russia, 7-31 (in Russ.).

“Fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church” (2000), *Informatsionnyy byulleten Otdela vneshnikh tserkovnykh svyazey Moskovskogo Patriarkhata* [Newsletter of the Moscow Patriarchate Department for External Church Relations], 8, 5-105 (in Russ.).

Kasper, W. (2005), *Bog Iisusa Khrista* [The God of Jesus Christ], Publishing House of the Biblical and Theological Institute of St. Andrew the Apostle, Moscow, Russia (in Russ.).

Lunkin, R. N. (2022), *Tserkvi v politike i politika v tserkvyah. Kak sovremennoe khristianstvo menyaet evropeyskoe obshchestvo* [Churches in politics and politics in churches. How modern Christianity is changing European society], Institute of Natural Science RAS; Nestor-Istoriya, Moscow, Russia (in Russ.).

Mchedlov, M. P. (ed.) (2002), *O sotsialnoy kontseptsii russkogo pravoslaviya* [About the social concept of Russian Orthodoxy], Respublika, Moscow, Russia (in Russ.).

Ovsienko, F. G. (2001), “Features of the formation of social doctrines of Orthodoxy and Catholicism”, *Religiovedenie* [Religious Studies], 2, 3-8 (in Russ.).

Ovsienko, F. G. (2021), *Evolyutsiya sotsialnogo ucheniya katolitsizma: filosofskiy kriticheskii analiz* [The evolution of the social teaching of Catholicism: a philosophical critical analysis], LENAND, Moscow, Russia, 7-31 (in Russ.).

Petrinin, V. V. (2009), *Politicheskii isikhazm i ego traditsii v sotsialnoy doktrine*

Moskovskogo Patriarkhata [Political hesychasm and its traditions in the social doctrine of the Moscow Patriarchate], Aleteya, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Shchipkov, A. V. (ed.) (2021), *O sotsialnom uchenii Konstantinopolskogo patriarkhata: Doklad nauchno-analiticheskogo centra VRNS* [On the social teaching of the Patriarchate of Constantinople: Report of the Scientific and Analytical Center of the VRNS], Publishing House of the Russian Expert School, Moscow, Russia (in Russ.).

Stoeckl, K. (2014), “The approach of the Russian Orthodox Church to the issue of human rights”, *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 3, 146-165 (in Russ.).

Varfolomey, patriarch (2008), *Priobshchenie k tainstvu: Pravoslaviye v tretem tysyacheletii* [Introduction to the Sacrament: Orthodoxy in the third millennium], Eksmo, Moscow, Russia (in Russ.).

Waardenburg, J. (2016), *Religiya i religii: sistematicheskoe vvedenie v religiovedenie* [Religion and Religions: A Systematic Introduction to Religious Studies], Translated by Aleksanyan, A. G., in Rahmanina, A. Yu. (ed.), RKHGA, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Петрунин Владимир Владимирович, кандидат философских наук, доцент кафедры теологии, религиоведения и культурных аспектов национальной безопасности, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, ул. Комсомольская, д. 95, г. Орёл, 302026, Россия; petrunin@list.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vladimir V. Petrunin, PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Theology, Religious Studies and Cultural Aspects of National Security, Orel State University, 95 Komсомolskaya St., Orel, 302026, Russia; petrunin@list.ru